

тили, в Афинах давно уже проживала одна ветвь рода Медичи, назвавшая себя Иатрос. Теперь здесь был также один Макиавелли, Никколо, родственник того же Нерио, так как мать его Лаудамия была дочь Донато Аччъяйоли. Этот флорентинец, носивший имя, ставшее через сто лет знаменитым, состоял при афинском дворе и по поручению герцога писал отсюда в Санта Мауру к Нерио ди Донато, приглашая его приехать в Афины. Письмо его кончалось следующими интересными словами: «Ты никогда еще не видел столь прекрасной страны, ни столь прекрасного замка (Акрополя)».

Вообще Флоренция никогда не была в таких оживленных сношениях с Афинами и Грецией, как во времена Антонио. Прекрасный город гвельфов на Арно был на вершине своего благополучия; в 1406 году он победил Пизу, свою старую соперницу, сделавшись таким образом нераздельным господином Тосканы; в 1421 году к нему перешли гавани Порто Венере и Ливорно; а в последние часы существования Греции Флоренция пожелала сделаться морской державой наряду с Венецией и Генуей, посылать свои корабли в Африку, Сирию и Романию и, в качестве наследницы Пизы, захватить ее колонии. Она льстила себе, в сущности, тщетной надеждой стать сильной на Средиземном море: учредив должность *consoli di mare*, она отправила своих консулов — на основании договора с султаном Египетским — в Александрию и другие города Леванта¹. Еще в конце XV века расцвет Флоренции, банки которой раскинули сеть своих отделений по всему торговому миру, вызывал злобную зависть венецианцев.

7 августа 1422 года флорентинская синьория в ответ на приглашение герцога афинского постановила заключить через своего посла Томмазо Альдеротти с «своим добрым другом и согражданином, каковыми были всегда и его предки», договор, которым флорентинцам предоставлялся свободный доступ в его порты. Антонио до такой степени считал себя греческим госу-

¹ Pagnini, *Delia Decima*, II, 45. С 1405 г. в Лондоне был флорентинский консул.